
ТЕМА «ЕВРЕИ В БАБЬЕМ ЯРУ» В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ В 1941–1945 ГОДАХ

Исследования Карела Беркхофа, Мордехая Альтшулера и Дов-Бера Керлера¹ показали, что сведения о массовых убийствах евреев присутствовали в советской прессе в гораздо большей мере, чем это было принято считать ранее. Кроме данных о гибели евреев, получаемых из газет и от свидетелей событий, особое значение для понимания происходящего имела интерпретация информации и передача знаний и имевшихся мнений о событиях от человека к человеку. Советским евреям далеко не всегда необходимо было прямое указание на еврейское происхождение жертв, особенно тогда, когда особая политика нацистов в отношении евреев стала понятной многим. И все-таки возникает вопрос: что в военные годы мог заинтересованный советский еврей почерпнуть из относительно скурых сообщений советской прессы об убийстве евреев в Бабьем Яру и как эти трагические события осознавались еврейской

* Я благодарен Вадиму Алцкану, Михаилу Крутикову и Шломит Шулхани за ценные советы и замечания, сделанные при подготовке этой статьи, а также Татьяне Батановой за помощь в получении некоторых материалов.

¹ *Berkhoff K.* «Total Annihilation of the Jewish Population». The Holocaust in the Soviet Media, 1941–45 // *Kritika*. – 2009. – № 1 (10). – P. 61–105; *Altshuler M.* The Holocaust in the Soviet Mass Media during the War and in the First Postwar Years Re-examined // *Yad Vashem Studies*. – 2011. – No. 2 (39). – P. 121–168; *Kerler D.B.* The Soviet Yiddish Press: Eynikayt During the War, 1942–1945 // *Why Didn't the Press Shout? American and International Journalism during the Holocaust* / Ed. R. M. Shapiro. – Jersey City, N.J.: Yeshiva University Press, 2003. – P. 221–249.

советской интеллигенцией? Каким образом изменились ее представления после освобождения Киева в ноябре 1943 г., когда о событиях 29–30 сентября 1941 года узнали намного больше? Кроме того, какими способами в те годы передавалось «еврейское содержание» Бабьего Яра и как на эту передачу влияла позиция советских властей?

1. Бабий Яр в советской прессе

Киевский идишистский писатель Ицик Кипнис в очерке «Цвишн идн» («Среди евреев»), более известном под названием «Бабий Яр», писал осенью 1944 года: «29 сентября. Страшная дата. На простом идише – Йорцайт... На Йорцайт когда-то зажигали свечи, говорили кадиш. Но еще не построена такая синагога, такой храм, который вместил бы весь огонь, все зажженные свечи, способные осветить имя каждого убитого еврея такого большого города»². К этому времени советские евреи уже знали довольно много о событиях в Бабьем Яру. Смутные надежды, что их родственники чудом уцелели в годы нацистской оккупации Киева, не оправдались. Вместе с тем, сведения о событиях в Бабьем Яру были востребованы после освобождения не менее, чем в период неведения и тревог первых лет войны.

Известия о массовом убийстве киевских евреев стали появляться в русскоязычной прессе относительно рано. Уже в ноябре 1941 г. с перерывом в десять дней в «Правде» вышли две статьи, в которых говорилось об убийстве в Киеве. В первой из них, опубликованной 19 ноября 1941 г., ТАСС кратко извещало, со ссылкой на западные агентства, что «немцы в Киеве казнили 52 тысячи евреев – мужчин, женщин, детей». В статье майора Степанченко «Что происходит в Киеве», опубликованной 29 ноября 1941 г., несмотря на явное смещение акцентов на преследование нацистами советских активистов, информация об особой судьбе евреев в целом не опровергалась: «Вырвавшиеся из Киева советские граждане сообщают о страшной резне и погромах, учиненных здесь немецкими захватчиками. Таких погромов история еще не знала.

² Kipnis Yi. Tsvishn yidn (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 297, л. 118, копия: YVA, JM/26187). Краткий вариант очерка Кипниса под названием «Бабий Яр» в переводе с идиш был опубликован в сборнике «Бабий Яр», вышедшем в Израиле в 1981 г. (с. 71–74). Перевод одного из более полных вариантов очерка Кипниса опубликован в: *Голокост і сучасність*. – 2003. – № 4 (10). – С. 1–2.

За немногие дни убито и растерзано 52000 мужчин, женщин, стариков и детей. Это – не только евреи...» Далее подробно освещался сам процесс сбора евреев и сообщалось место убийства – Лукьяновское кладбище³. Нота Молотова, опубликованная 7 января 1942 г. со ссылкой на сведения, поступившие от «советских граждан, вырвавшихся из Киева», приводила довольно детальное описание самого процесса убийства: «на еврейском кладбище гор. Киева было собрано большое количество евреев, включая женщин и детей всех возрастов; перед расстрелом всех раздели догола и избивали; первую отобранную для расстрела группу заставили лечь на дно рва, вниз лицом, и расстреливали из автоматов; затем расстрелянных немцы слегка засыпали землей, на их место вторым ярусом укладывали следующую партию казнимых и вновь расстреливали из автоматов». Те, кто читал ноябрьские сообщения в прессе и эту Ноту, в том числе евреи, у которых оставались в Киеве родственники, понимали, что произошло в украинской столице⁴.

До освобождения Киева 6 ноября 1943 г. сведения такого рода поступали советскому и военному руководству из довольно ограниченного числа источников, главным образом из политуправлений армий и партизанских штабов. Эти данные основывались на рассказах офицеров и солдат, которым удалось выйти из зоны оккупации, и на донесениях советских фронтовых разведчиков и партизан⁵.

Внимание русскоязычной прессы к убийству евреев в Бабьем Яру возросло после освобождения Киева, когда появились новые свидетельства гибели еврейского населения украинской столицы. В статье Евгения Кригера в «Известиях», в статьях Константина Буковского, Александра Авдеенко и Петра Олендера в «Красной звезде» приводится много

³ Зверства немцев в Киеве // *Правда*. – 1941. – 19 ноября. – С. 4; *Майор П. Степаненко*. Юго-Западный фронт («Красная Звезда»). Что происходит в Киеве // *Правда*. – 1941. – 29 ноября. – С. 3. Об этих публикациях см. также: *Mankoff J. Babi Yar and the Struggle for Memory, 1944–2004 // Ab Imperio*. – 2004. – № 2. – P. 396–397; *Berkhoff K. Op. cit.* – P. 73–74, *Altshuler M. Op. cit.* – P. 135.

⁴ Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова // *Известия*. – 1942. – 7 янв. – С. 2; *Mankoff J. Op. cit.* – P. 396; *Berkhoff K. Op. cit.* – P. 74; *Altshuler M. Op. cit.* – P. 136.

⁵ РГАСПИ, ф. 69, оп. 1, д. 1079, л. 41, копия: YVA, M40/RCM/16; *Свердлов Ф.* Документы обвиняют. Холокост: Свидетельства Красной армии. – М., 1996. – С. 46.

новых подробностей⁶. Происходило это на фоне общего роста внимания советской пропаганды к военным преступлениям нацистов в целом и к Бабьему Яру как одному из символов жестокости нацистов в Киеве в частности⁷.

С июня 1942 г. у евреев существовал еще один источник информации – орган Еврейского антифашистского комитета, газета на идиш «Эйникайт», регулярно и относительно подробно сообщавшая о судьбе евреев в годы войны. В целом информация об уничтожении евреев была в «Эйникайт» более детальной, чем в газетах на русском, а ее еврейская составляющая определялась самим характером издания. Временами в ней появлялись свидетельства «из первых рук». 15 октября 1942 г. Эренбург в статье «Gebentshte erd» («Обетованная земля»), написанной по-русски, но опубликованной на идиш, привел отрывок из дневника убитого немецкого ефрейтора Герберта Бехера, одного из исполнителей во время расстрела евреев в Бабьем Яру: «Я не помню такой трудной работы. Полковник объявил, что мы уничтожили таким образом 56 тысяч врагов Германии»⁸. 5 апреля 1943 г., когда Киев еще был под властью нацистов, в «Эйникайт» появилось свидетельство Михла Танклевского, который в январе 1943 г. после долгих блужданий и опасностей добрался до советских территорий. Скорее всего, уровень доверия евреев к изданию, в котором евреи писали для евреев, был особым – неслучайно этот рассказ киевского еврея, записанный Шмуэлем Гордоном, по прошествии недели был перепечатан в газете «Давар» в Палестине⁹. Публикации такого рода отражали популярную в годы войны среди национально ориентированной еврейской интеллигенции и среди самих спасшихся евреев идею о необходимости донести свидетельства о массовых убийствах до широкой аудитории. В начале статьи в «Эйникайт» подчеркивалось, что Танклевский специально заехал в

⁶ *Berkhoff K.* Op. cit. – P. 83–84, *Altshuler M.* Op. cit. – P. 145–146.

⁷ *Yekelchuk S.* The Civic Duty to Hate: Stalinist Citizenship as Political Practice and Civic Emotion (Kiev, 1943–53) // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History.* – 2006. – Vol. 7, No. 3. – P. 539.

⁸ *Erenburg I.* Gebentshte erd // *Eynikayt.* – 1942. – 15 окт. – С. 2.

⁹ *Tanklevski M.* Tevakh haehudim bekiev ubearei ukraina // *Davar.* – 1943. – 14 апр. – С. 1, 4.

Куйбышев, где тогда располагался ЕАК и редакция «Эйникайт», чтобы «поведать миру» о произошедшем в Киеве. В статье он рассказывал, как из окна квартиры, в которой он прятался, видел тысячи евреев, в том числе свою сестру с семьей и своего больного отца, идущими «в свой последний путь из города на кладбище». Танклевский сообщил, что в течение трех дней было убито 56 тысяч евреев, причем раненные были закопаны живыми (видимо, число убитых было взято из публикации Эренбурга)¹⁰.

Вместе с тем, внимание «Эйникайт» к Бабьему Яру, как, впрочем, и русских газет, было не большим, чем к другим местам уничтожения советских евреев. Это было связано как с общими задачами еврейской интеллигенции (совпадавшей с целями советской пропаганды): необходимостью отобразить повсеместную трагедию евреев с целью мобилизации евреев – выходцев из различных регионов на борьбу с их особым врагом (Бабий Яр был только одним из многих мест), потребностью выразить свое осознание еврейской трагедии, так и с тем, что новые сведения о событиях в Бабьем Яру были редки. Илья Эренбург в статье «*Di daytshishe fashistn tor nit lebn blaybn*» («Немецкие фашисты не должны жить»), опубликованной в «Эйникайт» 4 ноября 1943 г., накануне освобождения Киева, называет Бабий Яр в ряду многих других мест массового уничтожения евреев. Он призывает убивать врага «За старую еврейскую мать. За маленьких детей. За киевский Бабий Яр. За ямы смерти в Витебске и Минске»¹¹. В другом тексте Эренбурга, написанном уже после освобождения Киева, эпизод о событиях в Бабьем Яру, взятый из письма Евсея Ланцмана (когда маленькая девочка крикнула из ямы, которую засыпали: «Что вы мне сыплете песок в глаза»), соседствовал с не менее жуткими подробностями убийств евреев в Пирятине и Козельце¹². Отсутствие деталей о

¹⁰ *Tanklevski M. Der kiever khurbn // Eynikayt. – 1943. – 5 апр. – С. 2.*

¹¹ *Erenburg I. Di daychishe fashistn tor nit lebn blaybn // Eynikayt. – 1943. – 4 нояб. – С. 2, цит. по: Эренбург И. Война 1941–1945. – М., 2004. – С. 507.*

¹² *Эренбург И. Народоубийцы. Война. – С. 579; Еврейский народ в борьбе против фашизма. Материалы 3-го антифашистского митинга представителей еврейского народа. – М., 1945. – С. 38; Письмо Евсея Ланцмана из архива Ильи Эренбурга // Бабий Яр. К пятидесятилетию трагедии 29, 30 сентября 1941 года. – Иерусалим, 1991. – С. 70.*

Бабьем Яре характерно и для текстов многих идишистских писателей. Давид Бергельсон в обоих эссе о Киеве в «Эйникайт» в мае и в ноябре 1943 г. лишь ограничивается упоминанием о расстрелянных десятках тысяч киевских евреев¹³.

Особо острую реакцию еврейской интеллигенции вызвало известие об уничтожении нацистами в августе – сентябре 1943 г. следов массового убийства киевлян в Бабьем Яру. Это стало известно благодаря массовому побегу в ночь с 28 на 29 сентября 1943 г. группы заключенных, членов особой команды, занимавшихся под немецким руководством в условиях повышенной секретности эксгумацией и сожжением десятков тысяч тел убитых (удалось вырваться из-под усиленной охраны и дожить до освобождения восемнадцати заключенным, как евреям, так и неевреям). Ицик Фефер, чьи близкие погибли в Бабьем Яру и в творчестве которого в годы войны национальная тема стала занимать центральное место, указывал в своей речи на Третьем антифашистском митинге представителей еврейского народа в Москве в апреле 1944 г.: «Перед своим отступлением из Киева нацисты раскопали в Бабьем Яру и сожгли останки наших отцов и матерей, братьев и сестер и развеяли пепел по ветру, думая, что ветер развеет тайну их злодеяний. Но пепел Бабьего Яра жжет наши сердца, пламя горит в наших глазах, пепел лег на наши жгучие раны и не дает нам покоя»¹⁴.

В «Эйникайт» уничтожению нацистами следов преступлений, а также бегству заключенных были посвящены статьи идишистского писателя Ихила Фаликмана и критика идишистской литературы Мойше Мижирицкого. В статье Фаликмана (февраль 1944 г.) уцелевший узник Бабьего Яра Янкель (Яков) Капер подробно рассказал о выкапывании и сжигании тел убитых, а также кратко изложил историю побега заключенных. В ней указывалось, что в ямах в основном были евреи, убитые в конце сентября 1941 г.¹⁵ В отличие от текста

¹³ *Bergelson D. Kiev // Eynikayt. – 1943. – 1 мая. – С. 4; Bergelson D. Undzer Kiev // Eynikayt. – 1943. – 11 нояб. – С. 3.* О военной журналистике Бергельсона см.: *Shneer D. From Mourning to Vengeance: Bergelson's Holocaust Journalism (1941–1945) // David Bergelson: From Modernism to Socialist Realism / Ed. J. Sherman, G. Estraikh. – London, 2007. – С. 248–268.*

¹⁴ Еврейский народ в борьбе против фашизма. – М., 1945. – С. 27.

¹⁵ *Falikman I. Der lebedike eydes // Eynikayt. – 1944. – 10 февр. – С. 3.*

Фаликмана, базировавшегося на свидетельстве одного еврея, появившаяся в марте 1945 г. большая статья Мижирицкого с характерным названием «Восстание в Бабьем Яру» основывалась на материалах, собранных Кабинетом еврейской культуры в Киеве, и была посвящена, в основном, подготовке и осуществлению самого побега¹⁶.

Обе статьи полностью соответствовали общим тенденциям еврейской публицистики военного времени, ставившей целью не только рассказать о судьбе евреев, но и подчеркнуть, что и в экстремальных условиях евреи сопротивлялись нацистам и делали все возможное для защиты своего национального достоинства и победы над врагом. Это могло быть восстание в Варшавском гетто, сопротивление в Лунинце и бегство заключенных из Бабьего Яра (не зря все это называлось одним словом «ойфштанд» – восстание)¹⁷. Это могло быть также действие отдельного человека, причем не обязательно проявляться в форме открытого сопротивления. Фаликман, в то время капитан действующей армии, в конце своей статьи в «Эйникайт» сообщал, что сразу после освобождения Киева Капер передал в Фонд обороны 50 золотых рублей, найденных у расстрелянных в Бабьем Яру, но не отданных немцам, несмотря на смертельную угрозу¹⁸.

2. Бабий Яр – «место памяти» киевских евреев

У киевских евреев, как, впрочем, и евреев по всей стране, в годы войны появилось глубокое разочарование из-за неготовности советских властей признать уникальность еврейской трагедии. К тому же, как показал Амир Вайнер, в высказываниях киевских евреев антисемитизм украинской бюрократии приравнивался к нацистскому, а произошедший в Киеве в сентябре 1945 г. погром увязывался с антисемитскими настроениями населения, которые эта бюрократия поддерживала¹⁹.

¹⁶ *Mizhiritski M. Der oyfshtand in babi yar (tsum tsveytn yortog) // Eynikayt. – 1945. – 29 сент. – С. 2.*

¹⁷ *Mark B. Der oyfshtand in varshaver geto // Eyniyayt. – 1943. – 15 мая. – С. 4; Mark B. Oyfshtand di luninetser yidn kegn di daytshishe talyonim // Eynikayt. – 1943. – 17 июля. – С. 2; Mizhiritski M. Der oyfshtand in babi yar (tsum tsveytn yortog) // Eynikayt. – 1945. – 29 сент. – С. 2.*

¹⁸ *Falikman I. Der lebedike eydes // Eynikayt. – 1944. – 10 февр. – С. 3.*

¹⁹ *Weiner A. Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution. – Princeton, 2001 – P. 191–193. Его утверждения в большой мере*

Все годы войны, особенно после освобождения Киева и возвращения из эвакуации многих его жителей, киевским евреям важно было подчеркнуть, что этот город занимает особое место в их истории и сознании. В мае 1943 г. Давид Бергельсон писал в «Эйникайт»: «из Киева распространялась Тора», подчеркивая давность в нем еврейского присутствия²⁰. Евреям было важно указать, что их история как народа продолжается, несмотря на убийство в Бабьем Яру и вопреки враждебности со стороны части окружающего населения. Чтобы подчеркнуть провал планов нацистов и их пособников в отношении тотального уничтожения евреев, Ицик Кипнис писал в очерке «Среди евреев»: «Мои враги не смогут сказать: Бабий Яр – последнее пристанище еврейского народа. Последний пункт еврейского существования. Последнее слово, которым заканчивается история еврейского народа». Кроме того, он прямо указывал: «Ам Исраэль хай» – «еврейский народ жив»²¹. Еще более яркой публичной демонстрацией популярности этой идеи среди киевских евреев стала длительная овация, которую устроили зрители во время спектакля Украинского ГОСЕТа «Я живу» по пьесе Мойше Пинчевского, когда раздвинулся занавес и появилась надпись на иврите «Ам Исраэль хай» (это было во время гастролей театра в Киеве в 1945 г. – из эвакуации театр вернулся не в Киев, а в Черновцы)²².

В этих условиях одним из главных консолидирующих факторов стала совместная деятельность евреев, независимо от социального статуса и положения, по увековечению памяти погибших. Для киевских евреев Бабий Яр, который они называли «долиной слез», стал местом памяти, куда 29 сентября 1944 г., в третью годовщину расстрела, «с раннего утра и до позднего вечера двигались толпы народа... военнослужащие,

основаны на письме бывших фронтовиков-евреев Сталину, Молотову и Поспелову о потворстве украинских властей антисемитам (*Костырченко Г.В.* Государственный антисемитизм в СССР, 1938–1953. Документы. – М., 2005. – С. 65–72).

²⁰ *Bergelson D.* Kiev // *Eynikayt*. – 1943. – 1 мая. – С. 4.

²¹ *Kipnis Yi.* Tsvishn yidn (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 297, л. 123–124, копия: YVA, JM/26187).

²² *Altshuler M.* Yehadut bemakhbesh hasovieti: bein dat lezehut yehudit bevrit hamoatsot, 1941–1964. – Jerusalem, 2007. – С. 90.

рабочие, служащие, женщины с детьми, стар и млад»²³. Причем это происходило в пятницу, обычный рабочий день. Видимо, было принято решение позволить евреям, работавшим на государственных предприятиях и в советских учреждениях, пойти в этот день к Бабьему Яру²⁴. Авром Каган сообщал, что Несю Эльгерт, которая вместе со своим сыном выползла из Бабьего Яра, и после освобождения Киева работала в одном из учреждений города, отпустили с работы, «чтобы дать ей возможность пойти к “долине слез” выплакать свое горе...»²⁵.

В эти годы начинает формироваться новая еврейская топография Киева, в которой Бабий Яр становится центральным местом. Максим Шрайер указал, что Лев Озеров в своем стихотворении «Бабий Яр» использовал понятие «еврейского кладбища» как «наиболее эксплицитное обращение к еврейству жертв»: «За улицей Мельника – кочки, заборы и пустошь. И рыжая стенка еврейского кладбища. Стой...»²⁶. В свою очередь, Авром Каган в очерке «Что я видел на

²³ *Kagan A. Kiever 'tal fun trem' dem 29 sentiaber 1944 u[or]* (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 460. Копия: YVA, JM/26236).

²⁴ Эта стихийная мемориальная активность евреев в Бабьем Яру 29 сентября 1944 г. отслеживалась властями. Антиеврейски настроенные партийные функционеры среднего звена в украинском ЦК партии склонны были рассматривать ее как проявление еврейского национализма, сведя ее, по аналогии с обвинениями конца 1930-х годов, к попыткам «сионистских элементов организовать массовую демонстрацию еврейского населения в Киеве в годовщину расстрела немцами в Бабьем Яру» (*Khanin V. Documents on Ukrainian Jewish Identity and Emigration, 1944–1990. – London-Portland. – P. 51*). В другом документе того же периода фактически дословные обвинения в национализме («пытался организовать массовую демонстрацию еврейского населения в Киеве»), со ссылкой на информацию, полученную от НКГБ, приводились в адрес поэта на идиш Давида Гофштейна (*Ibid. – P. 56*). Однако украинские власти, включая НКГБ, видимо, не считали тогда нужным вмешиваться в эту еврейскую мемориальную деятельность.

²⁵ Там же. О Несе Эльгерт см.: *Озеров Л. Киев, Бабий Яр // Черная книга / Сост. В. Гроссман, И. Эренбург. – Иерусалим, 1980. – С. 23–24*.

²⁶ *Shrayer M.D. Jewish-Russian Poets Bearing Witness to the Shoah, 1941–1946: Textual Evidence and Preliminary Conclusions // Studies in Slavic Languages and Literatures (ICCEES CONGRESS Stockholm 2010, papers and contributions) / Ed. S. Garzonio. – Stockholm, 2011. – P. 88*.

Киевском еврейском кладбище около Бабьего Яра», наоборот, подчеркивает центральность Бабьего Яра. Упоминание соседства этих двух мест в очерке Кагана должно, видимо, отражать символическую связь между убитыми в Бабьем Яру и теми, над чьей памятью надругались на еврейском кладбище, а использование нацистами надгробий и решеток оград с еврейского кладбища для сжигания трупов в Бабьем Яру в августе – сентябре 1943 г. лишь усилило эту связь. Каган пишет: «Все, что оккупанты не смогли уничтожить на еврейском кладбище, они решили растаскивать и раздать, лишь бы не оставить и следа от Киевского еврейского кладбища». Для Кагана тема разграбленного и разрушенного кладбища, видимо, становится метафорой, отражающей намерение нацистов стереть даже самую память о еврейском прошлом в этом городе: он упоминает разбитые надгробия на могилах миллионера Бродского, популярного в Киеве врача Исаака Кругляка и благочестивого еврея – родственника макаровского цадика²⁷.

Стихийная демонстрация групповой связи с погибшими, осознание размеров трагедии Бабьего Яра и наличие в Киеве национально настроенных интеллектуальных сил подтолкнуло руководство ЕАК к мысли о необходимости целенаправленного и более углубленного сбора собственных материалов о расстреле евреев в Киеве. Это, видимо, происходило вне рамок подготовки «Черной книги», которая открывалась очерком Льва Озерова «Бабий Яр», подробно описывавшим киевские события. В своем письме в Кабинет еврейской культуры, отправленном 23 мая 1945 г., ответственный секретарь ЕАК Шахно Эпштейн предложил киевским коллегам «взять на себя организацию собирания материалов о зверствах немцев над еврейским населением». Он указывал, что «было бы целесообразно в первую очередь собрать и обработать материалы о трагедии в Бабьем Яру и в других местах уничтожения евреев на Украине»²⁸. Это при том, что руководство ЕАК было хорошо осведомлено о деятельности ЧГК, возможно, также знало о работе Комиссии по истории Великой отечественной

²⁷ Каган А. Что я видел на Киевском еврейском кладбище около Бабьего Яра (пер. с идиш Д. Маневича) (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 89, л. 177, копия: YVA, JM/26108).

²⁸ ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 918, л. 28.

войны, о сборе информации армейскими службами и НКВД. Видимо, в эти же месяцы в Киеве возникла идея создания памятника в Бабьем Яру. В июле 1945 г. «Эйникайт» публикует статью Миры Айзенштадт «Памятник в Бабьем Яру», в которой подробно описывается проект памятника, и сообщает о выделении на его создание денег из бюджета, хотя по тексту статьи можно понять, что никаких указаний на то, что большинство погибших были евреи, на памятнике не будет. Автор статьи, впрочем, упоминает, что из 140 тысяч уничтоженных в Бабьем Яру большинство составляли евреи²⁹.

3. Советское видение еврейского Бабьего Яра

Непоследовательность советской национальной политики в годы войны приводила к неоднозначности освещения событий в Бабьем Яру. Замечание Дэвида Бранденбергера в отношении политики поощрения русского национализма в первые годы войны, что это «тенденция, а не ясно артикулированная линия»³⁰, может быть приложено к отображению в прессе темы Бабьего Яра как в первые годы войны, так и в 1944–1945 гг., хотя в конце войны в гораздо меньшей мере.

С одной стороны, центральная русскоязычная пресса в ноябре 1941 г. и в ноябре 1943 г. приводила достаточно подробные сведения о том, что в Бабьем Яру были убиты десятки тысяч евреев. С другой стороны, в публикации Степаненко в «Правде» 29 ноября 1941 г. всячески подчеркивалось убийство неевреев, а в официальном советском сообщении – ноте Молотова – в январе 1942 г. затушевывалась антиеврейская направленность нацистской политики: как об одной группе говорилось о 52 тысячах мужчин, женщин, стариков и детей, как о другой – о казни «украинцев, русских и евреев, чем-либо проявивших преданность советской власти»³¹. Более того, официальное

²⁹ *Ayzenshtadt M.* A denkmol in Babi Yar // *Eynikayt*. – 1945. – 7 июля. – С. 2.

³⁰ *Brandenberger D.* National Bolshevism: Stalinist Mass Culture and the Formation of Modern Russian National Identity, 1931–1956. – Cambridge, Massachusetts and London, 2002. – P. 120.

³¹ *Майор П. Степаненко.* Юго-Западный фронт («Красная Звезда»). Что происходит в Киеве // *Правда*. – 1941. – 29 ноября. – С. 3; Нота народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова // *Известия*. – 1942. – 7 янв. – С. 2.

сообщение ЧГК о событиях в Бабьем Яру, опубликованное 1 марта 1944 г., не содержало даже намека на национальность жертв. На основе этой версии, ставшей результатом длительной переписки председателя ЧГК Шверника с главой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Александровым (ведомство которого удалило упоминание евреев), переписки, в которую были также вовлечены Хрущев и Молотов, сформировался дискурс замалчивания еврейских жертв Бабьего Яра³².

И все же на всем протяжении войны еврейская составляющая в текстах об убийстве в Бабьем Яру во многом зависела от желания самих авторов, евреев и неевреев, а также от отношения конкретных редакторов и партийных функционеров среднего и низшего звена³³. Статья писателя Рафаила Скоморовского «Не забудемо, не простимо! Кривавий яр» в газете «Радянська Україна» от 9 января 1945 г. содержала фразы, указывавшие на особую судьбу евреев. Так, в целом основываясь на рассказе украинки Тамары Михасевой (она была замужем за евреем Петром Резниковым), автор сообщал о локальном расстреле в Киеве, имевшем место еще до массового убийства 29 сентября. Тамара указывала, что старики, которых схватили в синагоге и на машинах везли на расстрел, впервые в жизни ехали в субботу («Цеп автоматників оперівав будинок синагоги. Стариків довели до машин. Ніколи досі старики не їздили в суботу»), чем подчеркивалась национальная и религиозная принадлежность жертв. Дальнейший рассказ Тамары свидетельствует об особом отношении нацистов к евреям, что отчетливо проявилось «в день Баб'ячого яру»: «Навіть цього дня, коли був опублікований безіменний наказ про те, що всі євреї повинні прийти до Баб'ячого яру... що той, хто наважиться їх ховати буде розстріляний... Навіть цього дня люди вигадували всякі безглуздя. Одні казали: трудова мобілізація, другі – переселення, треті заявляли, що німецьке командування домовилося і буде

³² Переписка подробно изложена Львом Безыменским: *Безыменский Л.* Информация по-советски // *Знамя*. – 1998. – № 5 (<http://magazines.russ.ru/znamia/1998/5/bezym.html>).

³³ *Yekelchik S.* Op. cit. – P. 535–536.

обмін: одна єврейська родина за військопононеного німця»³⁴. Видимо, у матеріалов, подібних статтє Скоморовського, в годы войны был шанс для публікації, если они не выходили за рамки косвенной констатации, что положение евреев в годы нацистской оккупации Киева отличалось от положения остального населения. Вопрос в целом состоял в том, насколько интеллигенция, как еврейская, так и нееврейская, чувствительная к общим переменам советской национальной политики в последние месяцы войны, сама готова была затрагивать еврейскую тему Бабьего Яра.

Еще более сложным является вопрос об отражении этой темы в поэзии, изобразительном искусстве и пластике. В отличие от публицистики (в том числе русскоязычной), в которой еврейская тема часто выражена довольно явно, поэзия нередко базируется на аллюзиях, предоставляя читателю возможность самому достраивать ассоциативный ряд. Если в публицистике Эренбурга еврейская тема занимала заметное место даже в 1944 г., в его поэзии – в частности, в известном цикле стихотворений 1944 г., посвященных Бабьему Яру, – нет прямых указаний на убийство евреев. Однако авторство Эренбурга подсказывало читателю, кто лежал в тех оврагах и окликал читателя из каждой ямы³⁵. Скорее всего, еврейское население однозначно воспринимало в еврейском контексте этот цикл, особенно его первое стихотворение «К чему слова и что перо, Когда на сердце этот камень...», впоследствии получившее название «Бабий Яр». Чуть более явно еврейская тема была выражена в «Бабьем Яре» Льва Озерова, в котором автор, по мнению Шрайера, «дает жертвам возможность высказать их последнюю волю и завещание»³⁶. Вместе с тем, отражение в литературе событий в одном конкретном месте легко обобщалось читателями и переносилось на схожие события в других местах. Евдокия Ольшанская вспоминала,

³⁴ *Скоморовський Р.* Не забудемо, не простимо! Кривавий яр // *Радянська Україна.* – 1945. – 9 янв. Свидетельство Тамары Михасевой, основанное, видимо, на статье Скоморовского, приведено частично в: *Озеров Л.* Указ. соч. – С. 19, 22–23.

³⁵ Подробный анализ еврейской темы в этом цикле стихотворений Ильи Эренбурга, посвященных Бабьему Яру, см.: *Shrayer M.D.* Op. cit. – P. 73–85.

³⁶ *Ibid.* – P. 87.

что весной 1945 г. киевские евреи стихотворение Ильи Сельвинского 1942 г. «Я это видел» о событиях в Крыму прочитывали в общем контексте еврейской Катастрофы: «В нем рассказывалось о расстреле евреев в Крыму. Но киевляне восприняли его как описание трагедии в Бабьем Яру... Поэтому стихотворение “Я это видел” в Киеве ходило по рукам, его переписывали, заучивали...»³⁷.

Даже в стихотворении «Киев» Давида Гофштейна в «Эйникайт»³⁸, посвященном освобождению города, нет указаний на события в Бабьем Яру. Имелись только призывы к мести «всему поколению, всей стране, которая была рождена в позоре», «за позор двух страшных лет» в Киеве, что было в целом одним из центральных мотивов литературы и публицистики военных лет, в том числе на идиш. Идея особой еврейской мести немцам за убийство в Бабьем Яру более явно присутствует в очерке Кагана на идиш «Киевская ”долина слез”» от 29 сентября 1944 г., видимо, так и не опубликованном в Советском Союзе. Автор выражает эту мысль с помощью рассказа о старшем лейтенанте Азрииле Штаркмане, приехавшем с фронта в Киев, чтобы выяснить судьбу своих родных, и оказавшегося в Йорцайт 29 сентября 1944 г. в Бабьем Яру. Каган сообщает, что Штаркман «стоял удрученный и прислушивался к зауспокойным молитвам, произносимым набожными евреями по его убиенным родным». Автор очерка посредством традиционных еврейских имен, приведенных в форме, принятой в синагоге при вызове к чтению Торы и при составлении надписи на надгробиях на еврейских кладбищах (мацейвах), – Азриил бен Яков Гакоон Штаркман, подчеркивает еврейство старшего лейтенанта и его убитого отца и духовную близость к жертвам Бабьего Яра. В эти годы появилась прямая возможность подчеркнуть национальную принадлежность жертв-евреев, обращаясь к религиозной теме или вызывая связанные с иудаизмом ассоциации, что было немислимо

³⁷ Ibid. – Р. 68. Воспоминания Е. Ольшанской на русском языке см.: *Ольшанская Е.* Мне жизнь подарила встречи с поэтом // *Зеркало недели.* – 1998. – № 17 (25 апр.) (http://zn.ua/CULTURE/mne_zhizn_podarila_vstrechi_s_poetom-11298.html, просм. в марте 2012 г.).

³⁸ *Hofshhteyn D.* Kiev // *Eynikayt.* – 1943. – 11 нояб. – С. 3.

до начала войны (религиозный подтекст присутствовал и в статье Скоморовского)³⁹. Связь между еврейской традицией и популярной в годы войны идеей особой мести евреям нацистам Авром Коган передает через слова Штаркмана, который обращается к собравшимся: «Я, Азриил бен Яков Гакоон Штаркман, клянусь вам, что буду резать убийц на куски. Я отправляюсь обратно на фронт... Верьте мне и верьте в мою месть...»⁴⁰.

Еще более неоднозначной была ситуация с поэтами-нееврейцами, когда они, говоря о Бабьем Яре, не затрагивали напрямую еврейскую тему. Неясно, происходило ли это из-за того, что национальность жертв была для всех очевидной – каждый житель Киева знал, кого убивали в Бабьем Яру в сентябре 1941 г., либо это было намеренным замалчиванием еврейской трагедии, характерным для советской бюрократии и части интеллигенции? Или сказывалось вмешательство редакторов и партийных функционеров уже в ходе подготовки самой публикации? Примером такой неясности может служить стихотворение Володимира Сосюры «Бабин Яр», опубликованное в газете «Київська правда» 15 декабря 1943 г. Основная идея стихотворения заключалась все в том же призыве к мести за убитых, а прямого упоминания евреям нет. Единственной косвенной отсылкой к еврейской теме могут быть строки: «і сталося так, брати, як марили ми з вами, / він знову вільний, наш, золотoverхий рай, / наш Київ дорогий!.. Я зрошую сльозами / холодні ті стежки, де вів вас ворог злий, / *брати мої святі и сестри кароокі!*..» (выделено мной. – А.З.)⁴¹. В то же время подозревать Сосюру в преднамеренном замалчивании еврейской темы, видимо, нет оснований – в сентябре 1942 г. на еврейском антифашистском вечере в Уфе поэт прочитал свое стихотворение «Єврейському народові», которое начиналось словами:

³⁹ Об изменении в СССР отношения к религии с началом войны см., например: *Altshuler M. Yehadut bemakhbesh hasovieti: bein dat vezehut yehudit bevrit hamoatsot 1941–1964.* – Jerusalem, 2007. – P. 23–42; *Чумаченко Т.А.* Государство, православная церковь, верующие 1941–1961 гг. – М., 1999. – С. 23–107.

⁴⁰ *Kagan A. Kiever 'tal fun trem' dem 29 sentiaber 1944 u[or]* (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 460. Копия: YVA, JM/26236).

⁴¹ *Сосюра В.* Бабин Яр // *Київська правда.* – 1943. – 15 дек., а также: *Yekelchuk S.* Op. cit. – P. 535.

«Ти йшов крізь віч, крізь біль, віками гнаний, крізь дим кострів, погромів дикий дим»⁴².

Еще сложнее было передать еврейскую составляющую Бабьего Яра в живописи или скульптуре, не используя при этом явной этнической символики (звезда Давида, менора, скрижали Завета, свитки Торы, ивритские буквы). В Киеве, вероятно, в мае 1944 г., состоялась художественная выставка, на которой были представлены горельефы Адольфа Страхова-Браславского (в том числе «Ров смерти»), посвященные Бабьему Яру и Зеленой горе в Бердичеве⁴³. Эти произведения воспринимались зрителем однозначно как еврейские сюжеты. По описанию Аврома Кагана, выросшего в Бердичеве и жившего в Киеве, на переднем плане горельефа «Ров смерти» была фигура молодой матери, из рук которой немец вырывает младенца, чтобы бросить его в яму с расстрелянными. В другом месте, по мнению Кагана, было изображено, как немец тащит ко рву еврейского мальчика, беспомощно повисшего в его руках. Наконец, были фигуры, однозначно интерпретируемые как евреи, – престарелые мужчины с длинными патриархальными бородами⁴⁴. Неясно, как современники воспринимали и проект 1945 года так и не установленного памятника в Бабьем Яру, на котором была изображена мать с ребенком (автор проекта – Власов). Судя по всему, никаких этнических символов на проекте памятника не предусматривалось. Вместе с тем, вьющиеся волосы у матери и у ребенка на горельефе, который планировалось установить на памятнике, намекали на этническое происхождение основной части жертв – побывавшие в оккупации жители Киева хорошо понимали, какая угроза нависала над теми, у кого были вьющиеся волосы, – следовали вызовы в гестапо, длительные допросы и проверки.

⁴² *Сосюра В.* Єврейському народові // *Література і мистецтво.* – 1942. – 20 сент.

⁴³ Я благодарен Г. Казовскому за предоставленные сведения о Страхове-Браславском.

⁴⁴ *Каган А.* На художественной выставке в Киеве (пер. на рус. Д. Маневича) (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 21. л. 32, копия: УВА, JM/26079). О выставке в Киеве в мае 1944 г. см.: *Выставки советского изобразительного искусства.* – М., 1973. – Т. 3. – С. 189.

Конечно, во всех текстах, в том числе опубликованных в «Эйникайт», авторы и редакторы следовали требованиям функционеров из Агитпропа⁴⁵: говоря о гибели евреев, было необходимо упоминать также убитых русских и украинцев, как, например, в очерке Бергельсона о Киеве, опубликованном 11 ноября 1943 г. Автор указывал, что Киев был нужен немцам, чтобы «огрбить его, чтобы разогнать его жителей, ...чтобы закопать в ямах десятки и десятки тысяч полурасстрелянных, полуживых евреев, чтобы убивать там украинцев и русских»⁴⁶. Любые намеки на межэтнические трения были запрещены цензурой. Так, в опубликованном варианте статьи Мижирицкого отсутствуют строки, из которых следует, что, несмотря на взаимодействие при подготовке и в осуществлении побега из Бабьего Яра, обе группы заключенных – украинские партизаны и евреи – держались в лагере особняком. Более того, неопубликованные или цензурированные тогда украинские и еврейские тексты давали разную трактовку причин провала одного из вариантов побега: один из украинских участников побега Владимир Кукля в беседе с секретарем киевского горкома комсомола в марте 1944 г. утверждал, что их предал еврей, выдавший план немцам⁴⁷. В архивной версии статьи Мижирицкого, еще до вмешательства цензуры или редакторов, говорится, что один из украинских партизан был пойман с железным скребком в руках, когда делал подкоп, он и выдал всех остальных, а сам Кукля, инициатор бегства через подкоп, остался жив только благодаря помощи буковинского еврея Якова Стеюка, в то время как 16 заключенных были расстреляны⁴⁸.

⁴⁵ О требованиях советской бюрократии равного упоминания различных этнических групп см., например: Еврейский антифашистский комитет в СССР 1941–1948. Документированная история / Сост. Шимон Редлих, Геннадий Костырченко. – М., 1996. – С. 164–183.

⁴⁶ *Bergelson D. Undzer Kiev // Eynikayt*. – 1943. – 11 нояб. – С. 3.

⁴⁷ Бабий Яр: Человек, власть, история / Сост. Т. Евстафьева, В. Нахманович. – К., 2004. – Кн. 1. – С. 253.

⁴⁸ *Mizshiritski I. Der oypshtand in babi yar (tsum tsveytn yortog – 29 sentiaber 1943)* (ГАРФ, ф. 8114, оп. 1, д. 401, л. 113–122, копия: YVA, JM/26217).

* * *

Таким образом, в годы войны публикации об убийстве евреев в Бабьем Яру как на русском, так и на идиш содержали достаточно сведений, чтобы умудренный опытом советский читатель понял особую судьбу евреев под нацистской оккупацией. Вплоть до окончания войны не было полного запрета на еврейскую составляющую Бабьего Яра, несмотря на тенденцию к ее замалчиванию, усиливавшуюся среди советской бюрократии. Это противоречило желанию еврейской интеллигенции, стремившейся различными способами подчеркнуть еврейскую составляющую Бабьего Яра в своих текстах на идиш, русском или украинском, в изобразительном искусстве. Для них было важно показать, что, несмотря на убийство десятков тысяч евреев в Бабьем Яру, история евреев в Киеве продолжается, а память о еврейском прошлом, в том числе память об убитых, примером чего было массовое посещение места расстрела евреев в Йорцайт, заняла в сознании советских евреев особое место.